

ПИСАТЕЛЬ АЛЕКСАНДР ЗАВАЛИШИН: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

В. С. Христофоров

В статье на основе документов Центрального архива ФСБ России рассказывается о неизвестных эпизодах биографии писателя Александра Завалишина, связанных с его арестом, осуждением и реабилитацией. К исследованию архивных уголовных дел, а тем более использованию информации из них, необходимо подходить очень осторожно, придерживаясь принципа «не навреди». Архивные документы позволяют воссоздать картину событий, предшествовавших аресту человека, ход следствия и судебного разбирательства, проследить его дальнейшую судьбу. К архивному уголовному делу Завалишина приобщены анкета арестованного, его собственноручные показания, протокол допроса, следственные материалы, документы о реабилитации. Материалы дела раскрывают подробности пребывания Завалишина в заключении, показывают работу следователя, дают возможность представить, что заставило писателя оговорить себя и подписать признательные показания.

Ключевые слова: Завалишин, Центральный архив ФСБ России, уголовное дело, репрессии, реабилитация.

В конце 2014 г., оказавшись на своей малой родине — в селе Варна Челябинской области, я не мог не зайти в Кулевченскую среднюю школу, где работали мои родители, и я учился до 7-го класса. С большим волнением вместе с главой администрации Варненского района Сергеем Владимировичем Маклаковым прошел по школьным коридорам, пообщался с учителями и одноклассниками (они специально пришли, узнав о моем приезде). В небольшом помещении школьного краеведческого музея я с интересом ознакомился с экспонатами, рассказывающими не только об истории школы, но и самого села Кулевчи, основанного в 1842 г. в Новониколаевском районе по приказу военного губернатора и названного по болгарскому селению Кулевчи в память о победе русских войск над турками 11 июня 1829 г.

Один из стендов музея посвящен родившемуся в с. Кулевчи советскому писателю и драматургу Александру Ивановичу Завалишину. Жители села гордятся своим земляком, на площади перед школой стоит памятник писателю. Слушая рассказ заведующей музеем о Завалишине, я подумал, что некоторые страницы его биографии до сих пор покрыты завесой тайны: имя Александра Ивановича Завалишина долгие годы было не известно современному читателю. Дело в том, что в 1938 г. Завалишин был репрессирован, его произведения перестали издавать, все его пьесы сняли из репертуаров театров.

Что послужило причиной ареста, почему был репрессирован не только писатель, но и его жена, в чем их обвиняли, какое наказание они понесли, когда были реабилитированы? На эти и другие вопросы ясного ответа не было. Я вернулся в Москву с твердым намерением разыскать архивное уголовное дело и попытаться ответить на эти вопросы. Проверка по учетам показала, что в Центральном архиве ФСБ России хранятся дела на Александра Ивановича Завалишина (Р-9884) и его жену Антонину Николаевну Сосунову-Завалишину (Р-13520), материалы которых могут дополнить трагическую биографию писателя.

Среди лиц, пострадавших в годы массовых политических репрессий, были представители самых разных профессий: политические и военные деятели, дипломаты, писатели, журналисты, учителя, врачи, сотрудники разведки и контрразведки, рабочие и крестьяне. Документы архивных уголовных дел позволяют воссоздать картину событий, предшествовавших аресту конкретного человека, ход следствия и судебного разбирательства, проследить его дальнейшую судьбу.

В протоколах допросов подозреваемых и обвиняемых, собственноручных показаниях, анкетах и справках можно найти много сведений биографического характера, информацию об учебе, работе, творческой деятельности, общественной жизни, родных и близких, коллегах по работе.

В то же время неискушенному исследователю порой трудно понять, почему показания в протоколах допросов большинства арестованных лиц так путаны и противоречивы. Почему подозреваемый в первые дни после задержания, как правило, отрицал свою вину, а через несколько дней или недель соглашался с обвинениями и подписывал все документы. Почему количество вызовов арестованного на допрос гораздо больше, чем число протоколов допросов, приобщенных к делу. Ответить на эти и другие вопросы возможно лишь при внимательном и критическом исследовании всех документов архивного уголовного дела, при этом нужно учитывать, в каких условиях и где создавались эти документы. Человек, который отвечал на вопросы следователя или писал собственноручные показания, находился в неволе, он подвергался психологическому, а иногда и физическому воздействию, мог оговорить себя и других. Именно поэтому к исследованию архивных уголовных дел, а тем более использованию информации из них, необходимо подходить очень осторожно, придерживаясь принципа «не навреди».

При изучении архивных уголовных дел на репрессированных писателей важно внимательно вчитываться в каждую строчку протоколов обысков, тщательно исследовать приложения к уголовным

делам, служебную переписку. Дело в том, что, когда проводился арест писателя, одновременно шел обыск по месту жительства, изымались все рукописи, дневники, переписка, любые документы, поскольку в них, по мнению следователей, могли содержаться доказательства преступной деятельности. Обнаружить в архивном уголовном деле писателей рукописи, дневники, письма, изъятые при аресте, считается большой удачей для архивистов, ведь эти документы представляют собой уникальный исторический источник и важную составляющую отечественного литературного наследия.

Судьба рукописей, изъятых у писателей, ученых, исследователей и журналистов, различна. Решение об уничтожении материалов либо приобщении их в дело принималось сотрудниками органов госбезопасности. Если в тексте содержались «антисоветские высказывания», «призывы к борьбе с существующим строем», рукописи приобщались к материалам уголовных дел. Так произошло, например, с делом ученого А. Л. Чижевского, в основу обвинения которого легли его записи, дневники, книги, названные следствием антинаучными и антисоветскими; с делом прозаика и литературоведа А. В. Белинкова, обвиненного в «изготовлении и хранении рукописей антисоветско-террористического содержания».

В ряде случаев рукописи арестованных направлялись в архив органов безопасности, где они хранились до того момента, когда стало возможным вернуть изъятые авторам, их родным, музеям или госархивам. Так, 21 января 1965 г. в Институт мировой литературы были переданы личные документы и переписка М. Е. Кольцова¹.

Хуже было, если, по мнению сотрудников госбезопасности, рукописи не представляли «оперативной и исторической ценности»: их просто уничтожали, составляя при этом соответствующий акт.

В конце 1980 — начале 1990-х гг. документы репрессированных писателей и поэтов активно передавались в Государственный архив литературы и искусства (ныне Российский государственный архив литературы и искусства — РГАЛИ). Это рукописи стихотворений Ю. О. Домбровского, О. Э. Мандельштама, Н. И. Кочурова (Артема Веселого), Е. Н. Забелина; машинописный экземпляр одной из глав романа А. П. Платонова «Чевенгур» с авторскими пометками; поэмы «Погорельщина», «Песнь о Великой матери» и другие — Н. А. Клюева; повесть «Невольный переулочек» прозаика С. Д. Кржижановского; личная переписка и черновые записи поэта Н. С. Гумилева; поэма-памфлет «Путешествие К. Маркса в Россию» литературоведа И. В. Ильинского; тетради со стихами, дневниковыми записями и литературоведческими работами поэтессы Н. Д. Ануфриевой и др.

Возвращались рукописи и родственникам репрессированных. Например, внучке профессора-искусствоведа А. И. Некрасова были переданы его неопубликованные труды по истории древнерусской литературы и о русском искусстве; сыну известного экономиста А. В. Чаянова — рукопись «Парки и

аграрная реформа»; вдове философа А. Ф. Лосева — его неопубликованные труды: перевод книги Дионисия Ареопагита «О церковной иерархии», «Вагнер, Скрябин и гибель европейской культуры», дневники 1914—1919 гг.; дочери биофизика А. Л. Чижевского — пять дневников, рукописи «Россия и просвещение» и «Критические этюды», книга «Физические факторы исторического процесса», листы из книги «Борьба за науку»; вдовам поэтов С. Н. Маркова и Л. Н. Мартынова — их автографы и неопубликованные произведения; внуку М. А. Шолохова — письма писателя. В 2002 г. музею в станице Вешенская Ростовской области были переданы неизвестные автографы М. А. Шолохова. В 2008 г. внучке писателя Д. В. Фибиха — его фронтовые дневники. В 2013 г. широкий резонанс получила передача Центральным архивом ФСБ России в РГАЛИ рукописи романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Однако судьба некоторых рукописей, дневников, переписки репрессированных литераторов до настоящего времени остается неизвестной. Так произошло, например, с рукописями Исаака Эммануиловича Бабеля, изъятими у него при аресте [5].

Однотомное архивное уголовное дело № Р-9884 на Александра Ивановича Завалишина велось в 9-м отделении 4-го отдела² Главного управления государственной безопасности НКВД СССР с 28 января по 31 марта 1938 г. В анкете арестованного и протоколе допроса содержатся биографические данные, сведения о происхождении, составе семьи, трудовой, политической, творческой деятельности.

Александр Иванович Завалишин родился 30 июня 1891 г. в поселке Кулевчинском Николаевской станицы бывшего Оренбургского Казачьего войска (ныне с. Кулевчи Варненского района Челябинской области), в бедной казачьей семье. В 1904—1905 гг. его отец — Иван Анисимович — участвовал в русско-японской войне. На войне он был ранен и служить уже не мог. Волостное правление поручило Ивану Анисимовичу возить почту односельчанам.

В детстве Александр Иванович присматривал за утками у местного лавочника, потом батрачил. Он учился в казачьей школе и окончил ее с похвальным листом. Благодаря хорошему почерку, станичный писарь взял Завалишина в переписчики. Позже он работал переписчиком в Белорецком волостном правлении, в Башкирском сельском правлении и в Верхнеуральске — в казачьем управлении и других учреждениях. В 1910 г. Завалишин поступил на военную службу в войсковое хозяйственное управление в Оренбурге. Прослужив более года, он был уволен сначала на один год из-за зрения, потом и на второй год и, в конце концов, ушел со службы совсем. В это время Александр Иванович работал в переселенческом управлении в земстве, писцом, машинистом и статистиком в губернском правлении. До 1914 г. учился в кружках по самообразованию и на частных вечерних курсах. Уже в это время у

² 4-й отдел (Секретно-политический отдел) ГУГБ НКВД занимался борьбой с антисоветскими организациями и партиями, а также антисоветски настроенными лицами.

¹ ЦА ФСБ России. Д. Р-1269. Приложение. Л. 26.

Исторические науки

Завалишина проявился интерес к писательству. Молодые литераторы в 1911 г. в Оренбурге опубликовали сборник «Серый труд», который через месяц был конфискован из-за «крамольного» содержания. В этом сборнике был напечатан рассказ Завалишина «Душегуб и ведьма» — небольшая бытовая зарисовка. В 1913 г. кружок молодых литераторов выпустил новый сборник «Севы», в нем был напечатан рассказ Завалишина «Жизнь, ты нужна».

В 1915—1917 гг. Завалишин учился в Москве, в народном университете им. Шанявского.

В Февральской революции 1917 г. он принял самое активное участие. Был выдвинут от рабочих и служащих членом конфликтной комиссии при Главном комитете Всероссийского земсоюза. В августе 1917 г. Александр Иванович уехал в Оренбург, где казаками был избран в войсковые секретари Оренбургского войскового правительства, но уже в декабре 1917 г. на казачьем войсковом круге сложил с себя полномочия.

17 января 1918 г. Завалишин был избран членом президиума Оренбургского Совета казачьих депутатов, а в апреле 1918 г. назначен редактором «Троицких известий» уездного Совета депутатов. После захвата Троицка белочехами и дутовцами Завалишин выехал в Томск, а оттуда — к партизанам в Нарымский край. После освобождения Томска от Колчака до апреля 1920 г. работал заведующим отделом народного образования. Летом 1920 г. в Кулевчах Завалишин стал членом РКП(б). В октябре 1920 г. он был избран в сельсовет, затем делегатом на волостной съезд, проходивший в поселке Катенинском, позже — на губернский съезд в Челябинск. В 1921 г. на губернном съезде Александр Иванович был избран членом губисполкома и делегатом на VIII Всероссийский съезд Советов. Творческую работу Александр Иванович не прекращал и в годы Гражданской войны. До 1922 г. он работал ответственным секретарем в редакции газеты «Советская правда» («Челябинский рабочий»). В это время на сцене Народного дома Челябинска была поставлена его пьеса «Бывшие». В августе 1922 г. он стал сотрудничать с редакцией крестьянской газеты «Беднота». Очерки и рассказы, которые публиковались в этой газете, в дальнейшем вошли в сборники рассказов «Не те времена» и «Скуки ради», напечатанные в 1925 г.

В 1920-е гг. Завалишин вступил в литературную группу «Октябрь» и стал профессиональным писателем. В 1920—1930-х гг. центральной печатью был опубликован цикл военных рассказов: «Бабий бунт», «Фронтвик», «Три дня», «Пепел». В 1927 г. была написана пьеса «Таежные гудки» о борьбе партизан с колчаковцами в Сибири. В 1929 г. создана рукопись пьесы «Партбилет», которая в итоге не была опубликована.

В июле 1930 г. Завалишин три месяца находился в творческой командировке на строительстве Магнитогорского металлургического комбината. Видел, как возводилась плотина на реке Урал. Впечатления от поездки стали основой знаменитой пьесы «Стройфронт», которая в мае 1931 г. ставилась на сцене Московского театра Революции (Московский академический театр им. Вл. Маяковского).

В 1934 г. Александр Иванович вступил в Союз советских писателей.

Творческая деятельность писателя прервалась в январе 1938 г., когда Завалишин был арестован органами НКВД СССР. Предварительное следствие по такому сложному уголовному делу, как обвинение А. И. Завалишина в покушении на террористический акт (ст. 58-8 УК РСФСР) длилось менее 2 месяцев.

Основанием для ареста писателя послужила справка, составленная 30 декабря 1937 г. в 9-м отделении 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР. В справке говорилось: «Показаниями осужденного террориста Карпова М.¹ и арестованного Д. Д. Егорашвили² установлено, что Завалишин А. И. является активным участником террористической группы литераторов, которой руководил Канатчиков³ (осужден). На сборищах группы, происходивших систематически в период 1932—1936 гг. на квартирах Карпова, Завалишина, Батрака⁴ и др., были выработаны программно-тактические установки борьбы против ВКП(б) и советского правительства, причем уже в начале 1935 г. группа стала на путь применения террора в отношении руководителей ВКП(б). <...> На сборищах группы был выработан конкретный план совершения террористического акта против руководителей ВКП(б) на одном из съездов писателей и были намечены физические исполнители террористического покушения⁵. 28 января 1938 г., т. е. спустя почти месяц после написания справки, на документе появилась резолюция наркома внутренних дел Н. И. Ежова: «Арестовать».

Ордер на арест и обыск был подписан 31 января 1938 г. первым заместителем наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновским⁶. Согласно сохранив-

¹ Карпов Михаил Яковлевич (1898—1937), писатель; член Союза советских писателей. 4 ноября 1936 арестован. 15 июля 1937 приговорен ВКВС СССР по обвинению в участии в антисоветской террористической организации к ВМН. 16 июля 1937 приговор приведен в исполнение. 30 апреля 1957 реабилитирован.

² Егорашвили Давид Дмитриевич (1896—1938), советский литератор; зав. сектором современной литературы Гослитиздата. 5 ноября 1937 арестован. 14 марта 1938 приговорен ВКВС СССР по обвинению в участии в к.-р. террористической организации к ВМН. В тот же день приговор приведен в исполнение. 24 декабря 1955 реабилитирован.

³ Канатчиков Семен Иванович (1879—1940), писатель; редактор издательства «Советский писатель». 2 ноября 1936 арестован. 20 июля 1937 приговорен Особым совещанием при наркоме внутренних дел СССР по обвинению в террористической деятельности к 8 годам тюремного заключения. Наказание отбывал во Владимирской тюрьме ГУГБ НКВД СССР. Умер в заключении.

⁴ Козловский-Батрак Иван Андреевич (1892—1938), поэт, очеркист; член Союза советских писателей. 31 января 1938 арестован. 21 апреля 1938 приговорен ВКВС СССР по обвинению в участии в к.-р. террористической организации к ВМН. В тот же день приговор приведен в исполнение. 24 марта 1956 реабилитирован.

⁵ ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 1—2.

⁶ Фриновский Михаил Петрович (1898—1940), сотрудник органов госбезопасности. Командарм 1-го ранга (1938). В 1930—1933 председатель ГПУ Азербайджанской ССР. В 1933-1934 начальник ГУПО и войск ОГПУ СССР. В 1934—1937 начальник ГУПВО НКВД СССР. В 1936—1937 зам. наркома внутренних дел СССР.

шимся документам после обыска на Лубянку были доставлены «1) кандидатская карточка ВКП(б), <...> 2) паспорт, <...> 3) дневник, принадлежащий Завалишину, 4) шесть книжек автора Завалишина, 5) одна книжка Бухарина, 6) разная переписка с адресатами и телефонными записями»¹.

1 февраля Завалишин заполнил анкету арестованного во Внутренней тюрьме НКВД. 2 февраля он был вызван на допрос, протокола которого в деле нет. Единственный протокол, приобщенный к делу, датируется 31 марта. После этого, 1 апреля, Завалишин был переведен в Бутырскую тюрьму.

Правда, перед протоколом от 31 марта подшиты недатированные собственноручные показания писателя, где он говорит: «Я арестован за свою антисоветскую деятельность. Передо мной встал вопрос, как быть дальше. Лгать и запереться? Не выйдет, и надоело жить двойной жизнью. Поэтому я решил рассказать откровенно о своей и других антисоветской деятельности. Моя литературная деятельность была тесно связана с деревней. Получилось же так, что старая деревня и ее мелкобуржуазная, а попросту говоря, кулацкая идеология довлекла надо мной, как и на многих других, крестьянствующих литераторах. Новую же деревню, колхозную, мы не принимали. <...> Антисоветская деятельность нашей группы заключалась в том, что мы влияли на окружающих нас неустойчивых элементов в антисоветском духе и, по существу, пропагандировали в своих произведениях наши антисоветские взгляды. В общем, наша группа докатилась до того, что каждый из нас (себя я не в праве сколь-либо выдвинуть из этого числа) являлся подготовленным человеком для контрреволюционной деятельности. <...> Вполне понятно, собираясь по 2, по 3, мы высказывали резкую враждебность к ЦК и Сталину, надеялись на какие-то силы, которые изменят существующее положение»².

Находясь под сильным психологическим давлением, Завалишин оговорил себя, о чем свидетельствует протокол его допроса: «Я признаю себя виновным в том, что являлся участником антисоветской группы литераторов, организованной троцкистами Канатчиковым и Карповым. Группа эта сложилась при следующих обстоятельствах. Я был членом общества пролетарско-колхозных писателей (РОКП)³ и примыкал к группе Батрака. Несмотря

В 1937—1938 1-й зам. наркома внутренних дел СССР, начальник ГУГБ НКВД СССР, начальник 1-го управления НКВД СССР. В 1938—1939 нарком Военно-морского флота СССР. 6 апреля 1939 арестован. 4 февраля 1940 приговорен ВКВС СССР к ВМН. 8 февраля 1940 приговор приведен в исполнение. Не реабилитирован.

¹ ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 4.

² ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 8—11.

³ Так в тексте. Российская организация пролетарско-колхозных писателей (РОПКП) — советская литературная организация. Под различными наименованиями существовала в 1921—1932: в 1921—1926 ВСКП (Всероссийский союз крестьянских писателей), в 1926—1929 ВОКП (Всероссийское общество крестьянских писателей), в 1929—1931 ВОКП (Всероссийская организация крестьянских писателей), с 1931 РОПКП. Печатные органы: «Трудовая нива» (1923), «Жернов» (1925—1928), «Земля советская» (1929—1932), «Перелом» (1930—1932).

на ликвидацию РОКП в 1932 г., наша группа <...> сохранилась. <...> Мы считали себя крестьянскими писателями и являлись выразителями в литературе этих крестьянских настроений. Ликвидация РОКП вызывала в нас опасение, что нас, крестьянских писателей, в Союзе советских писателей будут загибать. <...> Мы считали, что деревня, и только она, является выразителем истинно русского духа, и держались точки зрения, что город и при советской власти, как и всегда, стремится заглушить, эксплуатировать деревню. <...> С точки зрения сохранения и упрочения советской власти в условиях Гражданской войны, думали мы, — политика была правильной, но, когда все это было уже далеко позади, то отношение советской власти к крестьянству, самому большому классу страны, мы находили несправедливым. К концу 1934 г. наша группа окончательно перешла на антисоветские позиции. Наши взгляды сводились к следующему: 1) участники группы стояли на той точке зрения, что партия переродилась, что в партии нет демократии; 2) участники группы пришли к выводу о порочности и несостоятельности колхозного строя; 3) о порочности всей системы промышленности, построенной на неверных, непрочных основах; 4) в силу этого невозможен расцвет страны и тем самым невозможно и построение социализма в нашей стране; 5) мы делали вывод о том, что неизбежен возврат к капиталистическим формам хозяйства. <...> Исходя из этого, мы считали необходимым насильственное устранение террористическими методами руководства партии, в первую очередь Сталина и замену нынешнего руководства троцкистами и правыми, могущими повести страну к возврату на капиталистический путь развития. <...> Нам казалось — вся тяжесть положения в стране зависит от политики ЦК и лично Сталина. В наших беседах личность Сталина привлекала особое внимание. Мы были проникнуты злобой, желчью и ненавистью по отношению к нему. <...> Ненависть к Сталину высказывал неоднократно я и все остальные участники нашей организации»⁴.

Необходимо отметить, что работа следователя по делу Завалишина и других писателей, которые были арестованы одновременно с ним, представляла собой настоящий конвейер. Перечисленные позиции «антисоветской группы», в которую они все якобы вошли, практически дословно обозначены в протоколе допроса Д. Д. Егорашвили от 21 декабря 1937 г., приобщенном к делу Завалишина. Еще тогда был сформулирован и вывод о «насильственном устранении террористическими методами руководства партии, в первую очередь, Сталина»⁵.

31 марта 1938 г. было утверждено постановление об окончании следствия по делу Завалишина, и писатель направил заявление на имя наркома внутренних дел СССР Н. И. Ежова: «Следствие по моему делу закончено. Прежде чем решать мою судьбу, прошу учесть, что на всем протяжении следствия, начиная с первого же допроса (это может полностью подтвердить мой следователь) я заявил, а в дальнейшем в своих показаниях при допросах ничего не скрыл

⁴ ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 13—21.

⁵ См.: ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 25.

о своей контрреволюционной деятельности, а также о террористической группе Карпова, Батрака и других, участником которой я состоял. Прошу также учесть, что кроме разговоров о терроре, которые я вел, конкретной террористической деятельностью я не занимался и никаких планов осуществления террора я не разрабатывал. Но должен понести наказание, так как террористические разговоры являются не украшением советского гражданина, а тягчайшим преступлением. Я — литератор, и поэтому прошу предоставить мне возможность созданием большой вещи (в любых условиях) искупить содеянное. <...> Меня не страшит смерть, тюрьма. Страшит лишь одно: уйти из жизни именно тогда, когда в стране разворачивается такое великое социалистическое строительство, когда я впервые правильно расцениваю советскую действительность — не искупив своих преступлений»¹.

Заявление было оставлено без ответа.

21 апреля состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР (без вызова свидетелей, без участия адвоката и прокурора), на котором Завалишин не признал себя виновным и отказался от данных на предварительном следствии показаний, заявив, что находился в тот момент в «тяжелом моральном состоянии». А в последнем слове добавил, что напрасно себя оговорил, поскольку был потрясен своим арестом². По обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 58-8 (террористический акт) и 58-11 (участие в контрреволюционной организации) УК РСФСР, Военной коллегией Верховного суда СССР Завалишин был приговорен к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества³.

Приговор был приведен в исполнение в тот же день на «расстрельном полигоне» НКВД близ совхоза «Коммунарка» Московской области [1]. А 13 мая был составлен акт о передаче вещей Завалишинных на хранение в домоуправление. Была изъята все, включая детские вещи. 1 июня имущество передали в Госфонд. Родным было сообщено, что Завалишин осужден на 10 лет.

Жена писателя А. Н. Сосунова-Завалишина как член семьи изменника Родины была арестована через неделю после гибели мужа — 28 апреля 1938 г. К ее делу подшит также единственный протокол допроса — от 9 мая. В нем Сосунова-Завалишина отрицала все обвинения следователя: «Соучастницей в антисоветской деятельности моего мужа Завалишина А. И. я не являюсь, виновной себя в этом я не признаю, о его преступной деятельности мне ничего не известно»⁴. Следствие по делу было закончено 22 мая. 26 июня Особое совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР постановило «Сосунову-Завалишину Антонину Николаевну как члена семьи изменника Родины заключить в исправтрудлагерь сроком на восемь лет»⁵.

Вопрос о реабилитации был поднят женой писателя после того, как 16 сентября 1954 г. с нее

самой была снята судимость: 4 января 1955 г. она направила заявление на имя главного военного прокурора: «Я прожила с Завалишиным Ал. Ив. 13 лет. До сего времени я не могу себе представить, чтобы он мог стать изменником Родины. Это был честный преданный партии и советскому государству человек. Уходя, он мне сказал: «Верь мне, как мужу и коммунисту, я ни в чем не виноват. Меня проверят, и мы опять будем вместе». Прошло 16 лет, и он не только не вернулся, а мне даже дали справку, что местонахождение его неизвестно. <...> Я надеюсь, что вы пересмотрите дело моего мужа Завалишина Ал. Ив. и реабилитируете его, т. к. это черное пятно незаслуженно лежит на мне и детях в течение 16 лет»⁶.

11 апреля 1956 г. в качестве свидетеля на Лубянку был вызван на допрос профессор А. И. Ревякин⁷. В архивном уголовном деле сохранилась характеристика, данная им Завалишину: «Завалишина Александра Ивановича я знаю с 1925 г. <...> по совместной работе в газете «Беднота». У меня с ним всегда были хорошие отношения. <...> Состоя в одном литературном кружке с 1925 по 1928 гг., мы часто по субботам собирались. <...> На этих вечерах мы читали свои произведения и обсуждали их. Никаких разговоров антисоветского содержания при этом никогда не было. <...> После распада кружка мы также собирались вместе. <...> При встречах также читались и обсуждались произведения, написанные участниками этих встреч. <...> Завалишина А. И. я знаю как принципиального, честного литератора. Все его выступления, которые мне приходилось слышать от него, были прямолинейными, резкими, самокритичными. Все недостатки, которые он замечал, он резко критиковал. Его критике подвергались не только мы, участники встреч, но и те недостатки в жизни, в быту. Но мне ни разу не приходилось слышать от него антисоветской, враждебной нашей системе критики в адрес партии и правительства. Я его считаю честным человеком, стоящим за генеральную линию партии и проводящим линию партии в своей работе»⁸.

⁶ ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 66—66об.

⁷ Ревякин Александр Иванович (1900—1983), советский филолог, литературовед. С 1929 доцент и зав. кафедрой литературы и языка в Московском областном вечернем пединституте. В 1925—1931 публиковались статьи, рецензии, заметки о писателях-современниках в журналах «Жернов», «Октябрь», «Комсомолия», «Молодая гвардия», «Крестьянский журнал», «Читатель и писатель», «Земля Советская». В 1928—1931 зав. критической секцией и литбюро Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП, с 1931 — РОПКП). В 1932 снят со всех должностей в РОПКП и прекратил деятельность в качестве критика крестьянской литературы. С 1932 профессор и зав. кафедрой русской литературы в Московском городском пединституте им. В. П. Потемкина. С 1934 член Союза советских писателей. В 1941—1943 преподавал в Сызранском учительском институте, печатался в местной газете. С 1943 профессор и зав. кафедрой МГПИ им. В. П. Потемкина. С 1960 работал в МГПИ им. В. И. Ленина. В 1974—1982 участвовал в подготовке академического Полного собрания сочинений и писем А.П. Чехова.

⁸ ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 77—78.

¹ ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 55—57.

² ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 62—62об.

³ См.: ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 63—63об.

⁴ ЦА ФСБ России. Д. Р-13520. Л. 10—10об.

⁵ ЦА ФСБ России. Д. Р-13520. Л. 14.

26 апреля 1956 г. Главной военной прокуратурой было подготовлено заключение по делу А. И. Завалишина, где говорилось: «Дело по обвинению Завалишина А. И. с материалами проверки внести на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР на предмет отмены приговора от 21 апреля 1938 г. в отношении Завалишина Александра Ивановича и прекращения его дела за отсутствием состава преступления»¹.

15 сентября 1956 г. Военная коллегия Верховного суда определила «Приговор <...> от 21 апреля 1938 г. в отношении Завалишина Александра Ивановича по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о нем за отсутствием состава преступления прекратить»².

22 декабря 1957 г. Московское городское финансовое управление выплатило Антонине Николаевне стоимость конфискованного в 1938 г. имущества.

Работы Завалишина стали вновь издаваться после реабилитации. Жена писателя Антонина Николаевна Сосунова-Завалишина с трудом собирала произведения Александра Ивановича уже после его реабилитации. В 1959 г. вышел из печати сборник

¹ ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 80—81.

² ЦА ФСБ России. Д. Р-9884. Л. 82об.

«Рассказы». В 1967 г. коллектив Магнитогорского драмтеатра им. А. С. Пушкина поставил пьесу Завалишина «Стройфронт». В том же году пьеса была показана на сцене Челябинского драмтеатра, а в Магнитогорске она шла несколько сезонов. Сатирический рассказ Завалишина «Сорок пять нацменов», впервые вышедший в журнале «Молодая гвардия» в 1925 г., был вновь опубликован в 1989 г. в альманахе «Каменный пояс».

К сожалению, неизвестной остается судьба дневника, документов, книг и переписки, изъятых при аресте Завалишина, так как следователями на хранение в архив они не передавались.

Литература и источники

1. Дудина, З. Завалишин Александр Иванович [Электронный ресурс] / З. Дудина // Культура и искусство. — 2013. — URL: cultandart.ru/society/73288-zavalishin_aleksandr_ivanovich

2. ЦА ФСБ. Д. Р-1269.

3. ЦА ФСБ. Д. Р-9884.

4. ЦА ФСБ. Д. Р-13520.

5. Христофоров В. С. Документы архивов органов безопасности об Исааке Бабеле / В. С. Христофоров // Российская история. — 2015. — № 1.

Поступила в редакцию 16 декабря 2015 г.

ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович. Доктор исторических наук, профессор. Институт российской истории Российской академии наук, Центр публикации источников по истории России XX века, руководитель. E-mail: iriran@mail.ru

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2016, vol. 16, no. 1, pp. 54—59**

DOI: 10.14529/ssh160110

ALEXANDER ZAVALISHIN, THE WRITER: BIOGRAPHY UNKNOWN PAGES

**V. S. Khristoforov, Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History,
Moscow, Russian Federation, iriran@mail.ru**

The article is based on the Archive of the Security Service of the Russian Federation documents. It tells about Alexander Zavalishin biography unknown episodes which were connected with his arrest, conviction and rehabilitation. An investigator should analyze archival criminal cases, especially use their information very carefully, following the concept «do no harm!». The archival documents help to reconstitute the events that preceded person's arrest, the process of the investigation. The materials help to retrace person's future life too. The prisoner's form, the autographic testimony, the transcript of interrogation, evidences, rehabilitation documents are filed to Zavalishin's archival criminal case. The case materials reveal Zavalishin's imprisonment details, show investigation officer's work, give an opportunity to understand the reasons that made the writer slander himself and sign guilty testimony.

Keywords: Zavalishin, the Archive of the Security Service of the Russian Federation, criminal case, repressions, rehabilitation.

References

1. Dudina Z. Zavalishin Alexander Ivanovich .Culture and Art. — 2013. — URL: cultandart.ru.society.73288-zavalishin_aleksandr_ivanovich.

2. The Archive of the Security Service of the Russian Federation [Central'nyj arhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossii]. C. R-1269.

3. The Archive of the Security Service of the Russian Federation [Central'nyj arhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossii]. C. R-9884.

4. The Archive of the Security Service of the Russian Federation [Central'nyj arhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossii]. C. R-13520.

5. Khristoforov V.S. The security services' documents about Isaac Babel. Russian history [Rossijskaja istorija]. — 2015. — № 1.

Received December 16, 2015